

**Борис
ЛУКИН**
с. Архангельское
Московской
области

ПОЕЗД

МОСКВА - СЕВАСТОПОЛЬ И ОБРАТНО

**ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ
МУНДИР ВОИНА**

Сообщения с фронтов шли одно за другим. В первых числах июля 2023 г. утром увидел на фотографии в телеграм-канале Захара Прилепина знакомых людей. Оказывается, на передовую к военкору Семену Пегову приехал из Сибири писатель Михаил Тарковский. Конечно, визит его до поры держался в тайне. *Тарковский успел побывать на Угледарском направлении, в Артемовске, Донецке, Луганске...* Я с трепетом следил за его поездкой, а потом и за репортажами о встречах с бойцами и, конечно, читателями. Уникальная встреча состоялась в донецкой библиотеке. Трудно и представить, что в городе, в котором запрещены любые массовые мероприятия в целях обеспечения безопасности, пройдет теплая беседа русских людей из двух крайних точек страны – южной и северной. Уже после возвращения в одном из интервью упомянул Михаил и о воевавших Прилепине и Шорохове, о моем сыне, морпехе 810-й бригады, студенте Литературного института Иване Лукине. А потом была наша с Тарковским переписка,

пока он возвращался в поезде в Москву, и совсем не краткий разговор по телефону в день, когда он гостил у матери в Тарусе. Тогда я и договорился с Михаилом, что он расскажет то, что сочтет возможным, отвечая на мои вопросы.

Почему я решил включить в свой очерк этот текст? Еще до его прочтения я был уверен, что многое из того, что я должен сказать в финале своей годовой работы, сможет высказать Михаил Тарковский. Именно его мнение сегодня, год спустя с начала СВО, сможет дать читателям свежий взгляд на пережитое всеми нами. А писательский талант поможет сформулировать основные итоги первого года войны. Письмо с текстом нашей беседы, ответами на мои вопросы и фотографиями Тарковский прислал 23 июля, уже из Красноярска. И надо сказать честно, в череде вестей про успешную активную оборону российских войск наша беседа укрепила меня. Чего греха таить, непросто держаться бодрячком, когда произведения мои, основной темой которых является рассказ о боевых действиях и жизни страны в особых условиях, вдруг пришлось не ко двору чуть ли не единственному литературно-

Продолжение. Начало в № 5-6, 7-8, 11-12 2023 г.

му изданию – «Литературной газете» – из-за толерантности главного редактора к «пятой колонне». Но об этом позже, так как беседа с Михаилом Тарковским мне кажется первостепенной.

– *Михаил, я был приятно удивлен известием, что ты на линии соприкосновения в Донбассе. Как-то так получается, что деятели культуры не стремятся на передовую. Прилепин и Шорохов, да еще несколько исключений из правила... Ты же без предваряющей огласки жил с нашими героями-воинами целую неделю. Читал, ты еще весной этого года говорил, что такая поездка – твоя мечта... Что ты ожидал? Что встретил?*

– Борис, начну с того, что для меня большая честь ответить на твои вопросы.

Каких-то предваряющих слов на людях о своих планах я действительно не произносил из-за, прости Господи, суеверного опасения наболтать и не выполнить, из соображения, что всё вдруг сорвется. Заболею, с близкими что-то случится, самолёт не полетит... А я нахвастал, что еду.

А как не поехать?! Глядя на Алексея Шорохова, на Захара Прилепина, на Васю Авченко, который, по-моему, в 2015 году был на Донбассе... Глядя на наших воинов, которые давно там... Глядя на подвиг твоего сына... О чём тут говорить? Стыдно было, что сижу.

Ещё момент: для меня целое дело полететь за Урал. Глупо, но так. Словно незримая граница энергий пролегает по Батьке-Камню. Тут какая-то метафизика русских пространств, тектоника, язвы (ударение на «я») их, плит! Вот дунуть на машине во Владивосток или, что там во Влад – в Магадан – это с полпинка, а в Москву – нет. При том что я абсолютно за неделимость Русского пространства (и времени). В общем – какая-то личная слабость. И это тоже мешало рвануть-то... И всё время казалось, что я брошу здесь, в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, какие-то сверхважные дела, вроде заказника для тайменей, которые и секунды без меня не проживут.

А главное – я понимал, что, попав туда, ну просто как мужик, как человек, связанный с, так сказать, настоящей жизнью, должен буду что-то делать... с этой войной, с самим собой... Понимаешь? И что самое страшное будет, побыв там, горе-корреспондентски повертевшись в зоне СВО, потом уеду к своим неотложным делам, к маленькому сыну и так далее. А ребята останутся на передке... И как тогда «настоящая жизнь»? Что она? Если я предатель... Эх... И никакие уверения этих ребят с передка о том, что «каждый должен заниматься своим делом», не помогут.

Я понимал, что моя жизнь полностью изменится с момента, когда я ступлю на Донецкую землю. Что я уже буду ей принадлежать до конца своих дней. А вот принадлежать только душой или душой и телом – это ещё один вопрос. Поэтому и тянул.

А помнишь в «Ностальгии» пономарь (кажется) говорит герою, что, мол, надо пойти туда-то и... ну... пронести свечу... Тот: ну, мол, понимаю. Когда? Ответ: СЕЙЧАС.

Что ожидал. Да, я тёртый волк в плане ожиданий и знаю, что, как ни представляй себе что-либо – всё будет в сотню раз ярче и неожиданней. В случае с Донбассом это правило было особенно справедливым.

Я не представлял себе, что там всё так рядом. Что всё миниатюрное. Одни указатели чего стоят: Мариуполь 170, Киев 500, Луганск 200 – я условно говорю. Что тут, казалось бы, брать?! А такие силы держат ЛБС... И ещё.

Я не ожидал, что эта ЛБС так близко и что мы поедем в эту близость. До этого мне разные люди говорили, что «да никто тебя не пустит!», «Да кому нужно отвечать за тебя?!». И так далее.

Поразили собственные ощущения – абсолютно неизведанное чувство, когда ты оказываешься рядом с героями – и с рядовыми, неизвестными тебе, и, конечно, с известными... Комбатами легендарных подразделений... Я не подозревал, что это до мурашек проймёт... Какой-то небывалый душевный подъём, озноб, взлёт... Я до сих пор нахожусь в этом состоянии. И поразил просто даже внешний вид этих ребят. Фронтовой шик, что ли... Как сидит разгрузка, как автомат висит... И что они это понимают... И при этом их скромность, их великодушие по отношению ко мне, раскрывши рот на всё это смотрящему... Поразило то, что один парень...

В общем, мы долго ехали по прифронтовым дорогам, и он расспросил меня про тайгу, и, услышав про морозяки и пешие выходы с промысла на большое расстояние, сказал, что он бы так не смог, да же не представляет и так далее. Причём сказал абсолютно искренне, не чтобы как-то уравновесить общение, мол, ты тоже мужик, не переживай, что ты для нас тыловой... Нет, он, южанин, выросший среди грецких орехов и шелковицы, искренне поразился, что на лыжах мы выходили... там за 150 километров. Я ему: «Да ты же понимаешь, что это детский сад полный по сравнению с тем, чем вы здесь занимаетесь с 14-го года, вообще, когда по тебе «химарями» и сто пятьдесят пятими кладут!» Надо как-то вырулить, и я говорю: ну что в любом деле главное – «не делать глупостей и любить своё дело». Он: Да!

Ещё он спросил: «А ты чо, добровольцем пойти хочешь?» И добавил: «К войне надо готовиться». Он имел в виду уже взрослого человека – со взглядами... Почему-то прозвучало (или я так услышал), что «года три» надо себя готовить. И ещё он сказал: «В войне ничего красивого нет». Парень этот был из... забыл... в общем, на данный момент он работал... что-то вроде пресс-службы одного из подразделений. По ощущению, воевавший по-настоящему.

Что встретил...

Мы имели дело с теми подразделениями, которые вышли из Донецкой народной милиции. Только с ними. Поэтому только о них могу говорить. Все они были разные, и каждое подразделение имело свой неповторимейший поразительный облик, образ... От всех шёл мощнейший фон, как сказать-то... абсолютного внутреннего спокойствия, какого-то скромнейшего мужества и чувства героизма, как бытовой какой-то нормы. И вот одно подразделение, другое, третье... Каждое со своим образом – и просто внешним, и по содержанию (вот это арта, это спецназ). И вот когда уже казалось, что душа переполнена, что жизнь неспособна изощриться и дать ещё новый изворот фронтового образа – и тут рррррез – и ещё одно подразделение со своим ярчайшим и неповторимым лицом...

– Тебя, профессионального охотника со стажем, думаю, было не удивить трудностями фронтового быта. Понимаю, что для гостя всегда создают щадящие условия, но тебя, писателя, не обмануть, ты, я уверен, точно отмечал в памяти важные детали. Поделись впечатлениями от реалий.

– Борис, вся эта наша сибирская – трудовая, морозная, дорожная, штормовая, противомедвежья, горная, заполярная, промысловая и прочая жись ни в какое сравнение не идёт с войной. По той причине, что перечисленное – это, положи руку на сердце, из области силовых удовольствий, да простят меня многие труженики. Поэтому одно дело просто быт, пусть и фронтовой, а другое дело десятки ребят, лежащих в госпиталях без ног, без рук, с контузиями, с осколочными ранениями. Ребята, которые побывали в плену и по сей день там находятся.

По деталям – что-то попытался рассказать, отвечая на твой предыдущий вопрос. Или вот деталь: едем с одной точки в Донецк на бешеной скорости, лавируя меж дырами на дороге, сами в брониках, шлемах, со стволами едем по сельцу меж запылённых яблонь, тополей, домишек, разрушенных и целых... А навстречу идёт себе молодая женщина в платице... Выжженные солнцем ноги и руки...

Идёт по обочине, даже на неё не глядя, и ведёт ребёнка... Так спокойно себе... Она здесь живёт. Практически на линии боевого соприкосновения.

– Не знаю, как другие, но я бы многое отдал, чтобы оказаться рядом с тобой и с Семеном Пеговым в те дни. По его словам, вы проехали десятки километров вдоль фронта, в том числе под обстрелом. Был ли твой риск оправдан? Дома тебя ждал маленький сын. Мне каждый раз с трудом удавалось вырваться из заботливых объятий семьи при поездках в Мариуполь, Донецк, Луганск. Что двигало тобой? Ведь ты живешь так далеко от войны. А сегодня, к сожалению, воюют только приграничные регионы и их жители...

– Да, Борис! Здорово было бы быть там вместе.

Про дом и маленьких. Знаешь, у Лёхи Шорохова двое маленьких. У Захара дети. Да даже не в них дело, а в том, что у многих бойцов по трое-четверо детей. Это, как сейчас говорят, не работает.

И ещё подумалось: в 2022 году на дорогах России погибло 14 тысяч человек.

А что двигало – мне кажется, я ответил выше. Попробую и по-другому сформулировать: и что стыдно отсиживаться, и что я должен знать, что там происходит... Да не знаю... Можно думать что угодно, но когда туда попал, тебя подхватило нечто могучее, трудно поддающееся описанию, но очевидно существующее и не сравнимое ни с чем, прежде испытанным.

– Михаил, на одном из видео ты читаешь стихотворение деда – Арсения Тарковского. Обычно все читают свои произведения, а ты вспомнил деда. Почему?

– Потому что горжусь этим стихотворением, своим дедом-фронтовиком, потому что оно как никакое стихотворение подходит к этой обстановке, к этим событиям, к этим людям. Я прочитал его бойцам, к которым мы приехали вместе с Семёном Пеговым, Юлей Чичериной. Семён читал стихи, Юля пела свои песни на стихи Александра Андреича Проханова и Семёна. Ну и я прочитал два стихотворения – два таких сугубо сибирских (чтоб поняли, чем живу, что ли), ну и одно под занавес – «Мундир воина». Оно не печаталось ни в каких сборниках. Потом Семён попросил прочитать его на броне. Не знаю, как оно получилось, всё это было по пути с точки, где отстрелялись. И, в общем, происходило всё, как это делается в таких случаях, то есть путём оперативного ухода с места стрельбы – тем более ввиду повальной темы дронов. Снять путём не получалось, и это уже третья попытка была – пытались снять чтение стихотворения по пути туда, и не вышло. Понятно, что дело ответственное, уже чет-

вёртый дубль. В общем, хорошо прочитать на камеру оказалось трудно. Когда потом посмотрел – оказалось, что я один почему-то в шлеме, а остальные без. Не подумали.

Необходимое дополнение

Стихотворение «Мундир война» я посчитал необходимым опубликовать полностью, тем более что Михаил Тарковский – внук поэта Арсения Тарковского – разрешил это сделать. Упомянутое прочтение на броню я уже видел в инете, и мы даже обсудили с ним причину выбора именно этого текста. Обычно авторы предпочитают читать свои собственные произведения. А тут – деда! И мне показалось, что оно не просто своевременно прозвучало в Донецке на самой ЛБС на втором году борьбы с укронацизмом, ведь написано оно было в далеком 1943 году в один из труднейших периодов Великой Отечественной. Созвучие душ, настроение, идейный настрой – все повторилось спустя восемьдесят лет. А Михаил еще в марте 2022 года в газете «Завтра» так об этом говорил: «Помню, небыдло* очень любило стихи моего деда, он считался и тончайшим, и аристократичным, и элитарным. И даже реминисц-э-э-нтным... И я хочу закончить стихотворением этого очень аристократичного и реминисц-э-э-нтного поэта. Оно называется «Мундир война». Берёг его для книги, над которой работаю третий год, но сейчас – какая работа... Не убудет, поди, от книги».

А в 1943-м был написан «Мундир война»:

*Порохом сражений опалённый,
Отчий край вручает нам погоны;
Это – знамя нашего бойца,
Знак железной власти командира,
Символ чести русского мундира,
Наша клятва биться до конца.*

*При Петре Великом под Полтавой
Имена свои покрыли славой
Наши деды двести лет назад,
Нам досталась по наследству сила
Доблестных героев Измаила,
Мужество суворовских солдат.*

*В наших жилах не погасло пламя
Тех, кто шёл железными рядами
В незабвенный день Бородина,
Тех, кого повёл от боя к бою
Генерал Брусилов за собою –
Русские мы носим имена.*

*Русские по духу и по крови,
Мы стоим, сурово сдвинув брови,
Часа ждём. Но прогремит приказ,
И во имя чести и победы
Мы пойдём, как в бой ходили деды,
И ничто не остановит нас.*

– Мне не всегда понятны и близки герои некоторых твоих произведений. Ну не был я охотником и перегонщиком машин. Зато герой-учитель из твоей повести «Полет совы» – близок и дорог. А тебе удалось ли понять наших солдат? Они же все люди разных профессий и социальных слоёв. Но и ты не лыком шит... Не шарахались они от писателя с такой биографией и родословной?

– Да мне кажется, что «лыком» такое меньше всего волновало этих занимающихся делом людей. Да даже близко не было того, о чём ты спрашиваешь. Эти люди на острие жизни. Жизни и смерти. Я сопля по сравнению с ними. А удалось ли понять? Сложный вопрос. Думаю, почувствовать что-то самое важное удалось. А чтобы понять до конца – нужно с ними воевать плечо к плечу. Тогда поймёшь.

Понимаешь, все спрашивают, напишешь про Донбасс, не напишешь? Да кто его знает-то? Главное, что с душой случилось после этого Донбасса. Во время Донбасса. Как с человеком, с мужиком. Писательство всё это так называемое – вообще за скобками. Многие думают, что писатель едет в то или иное место, чтоб «материал набрать». То есть такая кинодокументалистика. Сняли, потом вернулись и смонтировали. У меня не так. Можно и не написать. С первого раза. Бог ведает...

Но вот если ребята, у которых ты побывал, чего-то ждут от тебя – тут совсем другой коленкор. (Коленкор – военкор...)

– Ты однажды сказал, что «мы учимся ответственности в решении тех духовно-нравственных вопросов, над которыми ломали голову князь Андрей и князь Мышкин, Пьер Безухов и Алёша Карамазов. Размышления над этими метафизическими безднами не назовёшь иначе как русской долей». Неужели полтора года войны – одна из граней этой русской доли? Какие размышления ожили в тебе на фронте? Как ты расскажешь о войне своему сыну?

* Быдло – так называют русский народ либеральные русофобы, часть из которых уже получила определение «иноагент». Небыдло – противоположно быдло, так сказать, «антоним» (**Примечание М.Т.**).

– Да не знаю, какие размышления... Как-то особо не размышлял, старался оприходовать, так сказать, поступающие впечатления, безуспешно, правда. Вообще, там тебя ведёт, ведёт настоящее, не успеваешь думать. Одно скажу, очень важны были те слова, которые ребята говорили. Могу процитировать: «Здесь на Донбассе сейчас выковывается русский национальный характер». «Здесь сейчас бьётся сердце России». Если бы эти слова о Донбассе мне произнёс писатель в ресторане Центрального дома литераторов, то я бы счёл это пустозвонством. Но когда это говорят ребята, которые с 14-го года под пулями и разрывами... То извини меня. До мурашей...

Про долю... Ну, а чо поделаешь? Так выходит, что война – это доля нашего народа. Да и впервой разве?

– С какими мыслями и чувствами ты встретил начало СВО, изменились ли они за период её проведения, почти полтора года?

– Мыслей не было, а были чувства: наверное, что-то близкое к шоку: не думал, что до этого дойдёт. Что нас, которые никогда (не считая так называемых «локальных» войн) не нападали, вынудили это сделать. Мне почему-то казалось, что если бы напали на нас, то было бы легче. И ещё я думал, что всё за неделю закончится. На полном серьёзе. В пять утра просыпался и, если была возможность, читал новости... Если нет – просто не спал. Теперь, конечно, всё изменилось. И тоже – дико звучит, привык. Но вообще, пока я не побывал в зоне СВО, внутри у меня картина, отношение по-настоящему не установилось. Стало вообще ничего не страшно. А то какая-то была подвешенность, словно одна нога на твёрдом, а другая ищет опоры, и неловко, шатко так вот трепыхаться... А теперь крепко стою. По крайней мере, так кажется.

И ещё: всегда, возвращаясь с запада на Енисей и узнавая дорогие признаки Восточной Сибири (сопки, покрытые тайгой, праворукие машины, так сказать, с охотским туманом в багажнике), – испытывал мурашечную радость, озноб слияния с дорогом, долгожданном, с тем самым региональным, детски-географическим, что тебя привязывает именно к какому-то возлюбленному куску Родины. И теперь еду из аэропорта, вижу эти сопки за Енисеем, и они – как выключены. Я там – на Донбассе.

Продолжаю эти записи, убитый новостью: погиб Ростислав Журавлёв, журналист, ополченец. Не знал его, к стыду, даже не подозревал о его существовании. А теперь он как брат мне...

И машину Александра Юрьевича Борода из танка обстреляли. Ранены двое. Ратибор в том числе.

А мы у них чай пили. Я ещё книгу подписал сыну Борода. Про Стрелкова его расспрашивал. Они дружили когда-то. А тут и ещё новость: Стрелкова арестовали.

– Мы, в нашем поколении, наверное, уже разучились мечтать. Хотя, пожалуй, сейчас мы все мечтаем о нашей Победе, мире и глобальных изменениях во всех процессах культурной, образовательной, социальной и прочей жизни. Какая твоя заветная мечта сейчас? Спрашивал ли парней на войне об их мечте?

– Парней о мечте не спрашивал. Да вообще особо не лез. Внимал больше. Заветная мечта – да понятно, одна у всех: победа. И, конечно, смена приоритетов в нашей общественной жизни. Тут уж сколько надежд было... Сколько говорено. И вообще – Русская Весна. Придёт ли она? Что я могу сделать? Русская Весна (в моём понимании) – это когда мы начнём жить на результат, вернём идеологию, поставив в её основание служение Отечеству. Когда чиновничество перестанет воспринимать себя как самоцель, а будет помогать подвижникам Русского дела, бескорыстным созидателям. Всё это возможно. Вспомним подъём духа во времена великих строек. Да ты всё понимаешь, где и какие изменения должны произойти.

– Планируешь ли ты писать что-то новое, связанное с войной?

– Борис, я дотошный в писанине, мне самому надо быть участником, чтобы не опрочапиться перед бойцами, которые прочитают. Я отталкиваюсь от оценки твоих книг профессионалами дела, о котором пишешь – чтоб самый разматёрый, допустим, промысловик ни штришочка не нашёл фальшивого, неточного. Вот Джек Лондон, книги которого мы классе в шестом-седьмом проглатывали с великой жадностью, пробыл на Аляске всего около года, зато написал о золотой лихорадке прорву рассказов. У него там и слюни замерзают в плевке на морозе, и прочее. (Сам специально плевал в 63 градуса – ни хрена не замерзает!) И не помню, по какой шкале даны страшные значения джеклондоновских морозяк. А вообще, Юкон находится примерно на широте Туруханского района, всего-навсего в Приполярье. Так вот, я не Джек Лондон и верхоглядно описывать жизнь не умею. Надо вжиться и писать так, чтобы местный сказал: «Он наш». Это самая большая награда для художника.

И возвращаясь к военной теме... Думаю, очерк, конечно же, напишу. Хотелось бы стихи. Или песню. И чтобы ребятам спеть. И у них мураши побежали. Большого счастья и нет.

23.07.2023

ДОНЕЦК... ДОНБАСС... РОССИЯ

Конечно, я поблагодарил Михаила за откровенный разговор. Он правильно сказал, что я и без слов всё понимаю... Для меня многое изменилось за эти 500 с лишним дней боёв. И круг общения поменялся кардинально, и взгляды на житейские вопросы несколько сменили приоритеты. И что интересно, весной думаю о военных буднях лета, а летом о фронтовой же зиме, потому что надо закупать парням на фронт подшевле и побольше необходимых для жизни вещей, закупать заранее. И каждый раз поражаюсь, как быстро взлетают вверх цены и как будто специально затягиваются сроки доставки закупаемого....

А еще постоянно ловлю себя на мысли после возвращения с Донбасса, что, когда открываешь кран, вода может и не пойти или пойдет, но окажется соленой. Такое видел на Донбассе. Они вроде бы и привыкли за 9 лет. Да и эсэмэски следующего содержания гражданам регулярно приходят (когда связь есть): «Внимание!!! В тестовом режиме будет увеличена подача воды. Вода в г. Макеевке будет подаваться 1 раз в 3 дня с 17:00 до 22:00. Централизованное водоснабжение будет осуществляться в следующие районы... Более подробную информацию о графике подачи воды смотрите в VK. Информацию о подвозе воды можно узнать в районных администрациях города Макеевка». Наверное, пока недельку-другую жители России (где у нас там мобилизация не задалась? Где у нас военкоматы поджигают? Где в университетах, в администрациях, в театрах и на радио до сих пор проукраински настроенные типы служат?) так не поживут, ничего не поймут...

Работая над этой частью очерка, специально спросил у Мирослава Руденко про ситуацию в начале августа. И получил подробный ответ.

«С водой ситуация в целом лучше. Примерно с конца июня/начала июля начали подавать воду через день. По времени, где-то с 14-15 начинают подачу, бывает, что позже – около 16-17 часов и до позднего вечера (около 22.00). Это так в моем районе.

Есть кварталы, где на верхние этажи пятиэтажек не выжимает напора. У меня на 7-й этаж выжимает хорошо. Но так не у всех, даже в моем районе.

По качеству – это питьевая вода. Осадок от нее больше, чем от воды, которая была до февраля 2022 (заметно по налёту на ванне, которая используется как резервуар для воды; через неделю-две ванну нужно отмывать, иначе сильно темнеет). Но меньше, чем когда воду давали из резервных водохранилищ осенью и в конце 2022 года.

В общем, вполне сносная вода.

Ну, правда, с конца прошлого – начала этого года для приготовления пищи мы начали покупать привозную очищенную воду. Так многие делали и раньше, ещё до 2022 и даже до 2014, киосков по розливу этой воды достаточно много в районе. Но мы перешли на нее совсем недавно. Общие проблемы с водоснабжением подтолкнули к этому».

Накануне августовского обстрела Донецкого университета и последующего его полного выгнания президент России сделал одно из важных заявлений, касающееся образования будущих поколений страны – о закупке 2500000 книг русской классики для Новороссии и древнерусских территорий Запорожской, Херсонской и Харьковской областей. Благое дело, несомненно. И если учесть параллельную новость о том, что российские преподаватели русского языка начнут работать в африканских странах, то самое время вспомнить о наисложнейшей ситуации с преподавателями на недавно освобожденных исконно русских территориях. И одними книгами тут никак проблему не решишь, хотя и без них не обойтись, конечно.

Поделился с поэтом, преподавателем Литературного института и общественным деятелем Сергеем Арутюновым давно вынашиваемой мыслью об участии писателей с педагогическим опытом в образовательном процессе в школах и институтах, например Мариуполя. Идея ему понравилась, а от себя он дополнил её необходимостью онлайн-трансляций с записью и возможностью повторов.

Так и живу почти полтора года с постоянными мыслями о фронте и Донбассе, как прежде – о сыне. И понимаю, что мы в стране разделены ещё по одному признаку – со-реальности, со-причастности. Если у тебя никого нет там, то ты легко переключаешься на обычную мирную жизнь, в которой даже прилет по столичным башням Сити – эпизод из чьей-то чужой жизни. Поэтому не стоит удивляться, что так много равнодушных отсиденцев в творческой среде. Не за кого им молиться. Переживания их всё те же: место под солнцем славы, деньги, любовники и любовницы.

Средства довольно большой прослойки неравнодушных сограждан, с первых месяцев помогавших фронту, начинают иссякать. А новых активистов появляется мало. И, конечно, эмоционально устаешь каждый день преодолевать внутренний раскардаш в стране. А бездельникам-отсиденцам всё нипочём: им хоть и трудно «терпеть и ждать», но этот период для них всего лишь «выживание на сухом пайке». Война идет где-то далеко – без их крови (и их родственников), госпиталей, похорон, бес-

сонных ночей и слез печали или радости. Осознав всё это, делаю вывод: надо теснее сплачивать наши ряды. Так мы продолжим свой труд для Победы, находясь в самой гуще равнодушия и мракобесия в стране, живущей как обычно. Нет плакатов. Нет призывов к сплочённости. Или почти нет. Всё это патриотическое движение как бы нырнуло в инет. А стоит вынырнуть и – обычное болото обывателей и торжествующая праздность...

Укоряю? Если хотите – ДА! Но разве можно промолчать, когда на мое очередное обращение о сильном сборе средств для танкового подразделения ДНР (которому мы ранее усилиями 55 жертвователей не только купили 3D принтер, но и несколько раз обеспечили расходниками производство деталей для квадрокоптеров и прочее, прочее) – прислали неожиданную отповедь, характеризующую, по моему мнению, общее положение в российском обществе. Оставляю данный текст без комментариев, потому что читатель мое мнение знает.

«...Я даже не знаю, как сказать, чтобы Вас не обидеть. Вы просто Человечище с большой Ч, за то, что помогаете ребятам. Но моё мнение таково: если наше правительство затеяло это СВО, то и должно обеспечить всем и всям (может, я не права, это мое личное мнение), прошу прощения у Вас, Борис Иванович, лично! Когда у нас был и Афган, и Чечня, нам многое обещали, и где? наших сослуживцев погибло из части 31 человек. Обещали льготы семьям, пенсию и т.п. А через 3 года все отменили, ссылаясь на то, что в казне нет денег!!! А тем временем сами покупали дома за границей... Так я теперь сама даже не знаю, что это за война против моих же родных и близких мне людей (братья, сестры, тётки, дяди и т.д.).

...мой бой против онкологии, и, увы, никогда, никогда на войну не буду отдавать свою пенсию... Я сама майор погранвойск, послужила 16 лет, а лечения не дают».

ГЕРОИ ВОЗВРАЩАЮТСЯ НАВСЕГДА

В самом начале августа президент России выступил с двумя долгожданными заявлениями об отношении государственных служащих к семьям погибших. Думаю, не случайно это произошло именно сейчас, когда мы, родственники героев, встречаем не только радушное отношение, но и чинное, бумажное, нерусское.

«Хочу обратиться к семьям тех наших товарищей, которые уже никогда лично не придут за высокими государственными наградами. Хочу, чтобы меня из этого торжественного зала Кремля

услышали все мои коллеги во всей стране, услышали на разных уровнях власти: это наши семьи, и их дети – это наши дети. И относиться нужно именно так. И не потому, что где-то кто-то это прописал или приказал, а по зову сердца», – сказал глава государства 2 августа 2023 года.

Как к своим... Это значит, что ни один пропавший без вести не должен оказаться забытым, ни одного героя не должна минуть заслуженная награда.

А 29 июня 2023 г. я посетил Всеволожск, что под Питером. Поездка эта планировалась ещё в мае. Так совпало, что в те же дни, когда я был на майские праздники в Мариуполе, Ирина, сестра майора Константина Дружковка, тяжело раненного в мариупольском «доме Павлова», продолжала искать следы брата в архивах ДНР. С нею мы общались с апреля 2022 года, когда вместе начинали искать – в числе потерянных при эвакуации 200-х и 300-х – моего сына и её брата.

Вот часть её рассказа военкору Андрею Филатову (его прислала мне сама Ирина, а я с ее разрешения публикую):

«Андрей, здравствуйте. Пишу, чтобы сообщить, что я сама нашла брата. Начальство его не искало. Была в штабе ЮВО, высказала им всё, что узнала и думаю о них. Ездил на Донбасс в мае, прошла и проехала последний путь брата от «дома Павлова» (Мариуполь) до могилы под Донецком. Выяснила всё до мельчайших подробностей. Несмотря на российскую форму на нём, не был отправлен почему-то в Ростов и спустя два месяца нахождения в центральном морге Донецка был захоронен как неизвестный с номером 72. Добилась эксгумации, сама летела с ним на борту из Ростова в Левашово под Питером, похоронили на его и моей малой родине. А недавно ещё узнала, что Струна, который был с братом в «доме Павлова», земляк нашей семьи. Родители Кировские, и мы, дети, учились и жили, соответственно, там. Мурашинский район. Поселок Безбожник. Узнав больше о Струне, стало гордо и радостно, что он наш земляк, умный и мужественный. Пожелайте ему, пожалуйста, удачи и успехов во всех начинаниях. С родителями ребят, ушедших на небо в том мариупольском доме, надеемся, что получится установить там памятник...»

Отзывы о майоре Константине Дружкове его боевых товарищей содержат высокие оценки профессиональных качеств картографа, без него в марте 2022 года в Мариуполе было просто не обойтись, так как связь не работала и «птичек» не было. Потому и вызвался он, штабной офицер, добровольно в тот разведрейд... Выбрав однажды дело служения Родине, в момент принятия реше-

ния «идти-не идти», майор Дружков, как и его боевые товарищи, другого не могли и помыслить.

Помню я наше общение в течение года. Как отправляли письма правозащитникам и главам донбасских регионов, в штабы воинских подразделений и округов, как искали однополчан и расспрашивали их обо всех нюансах эвакуации раненых и погибших в тот мартовский день. Сколько раз мы обретали и теряли надежду. И вот, наконец, настал день, когда в ростовском Доме офицеров прошло прощание с героем. Не помешало этому, слава Богу, даже присутствие в городе бойцов «Вагнера».

На удивление жаркие дни стояли в ту пору в Ленинградской области. Мой самолет вылетал из Шереметьево. Привычная дорога на аэроэкспрессе – не было никаких упоминаний на экране телевизоров в салоне вагона о героях СВО. Везде креативная реклама на спинках кресел призывала посетить города России. В красивом, как всегда, журнальчике много информации о зарубежных курортах и опять ни слова про СВО.

В Шереметьево в зале ожидания глаз привычно выхватывал людей в камуфляже после госпиталей и положенного отпуска-отдыха. Лица серьезные, взгляд сосредоточенный. Да и я со стороны, вполне возможно, так же выглядел – впереди были похороны погибшего.

Все стены аэропорта увешаны рекламой, на которой красотки девушки и слащавые парни вновь рекламируют сладкую жизнь. Полтора года битве с нацистами, а в стране никак с мечтой о пивке чешско-немецко-английском и прочих цивилизованных прелестях расстаться не могут. Как в столице, так же и в Санкт-Петербурге. Вот только в Северной столице парней в камуфляже в аэропорту почему-то я не заметил вовсе. А статных, дорого-брендово по-летнему одетых мужчин среднего возраста с чемоданчиками и дамочками, рассуждающих по телефонам о предстоящих деловых встречах, было хоть отбавляй.

И вспомнился мне прошлогодний поезд в Севастополь, так же чистенько и богато одетые мужчины всю дорогу обсуждали улучшение конструкции баки на колесах, которую они готовили для отправки на фронт (за свой счет, конечно). Помню, я тогда внимательно прислушивался к разговору о том, как грамотно расположить на раме резервный генератор, и с радостью осознавал, что обсуждение ведется профессионалами.

Какие разные люди живут в нашей стране...

Ирина нашла бы брата намного быстрее, если бы каждый служащий на своем месте сделал все, что

обязан, как командир, человек и гражданин. Если бы во временном пункте приема раненых и погибших сразу обратили внимание на камуфляж российского типа на теле воина. Если бы медик внес в базу данных фотографии погибшего.

Да, видно, многое мы потеряли, и это многое придется восстанавливать...

Майор Константин Дружков, посмертно награжденный орденом Мужества и медалью Суворова, смотрел с фотографии на всех собравшихся на кладбище с такой лучезарной улыбкой, что понималось, за какое жизненное счастье он воевал... Сдержанная слеза во время прощального слова все равно не удалось. А вроде кто он мне был? Слушая рассказы сокурсников по офицерскому училищу о нем как о лучшем из них (вроде бы всегда так об умерших говорят, но здесь был совсем другой случай), я понял, что единственный, кто совсем не знал его. Но сын мой с ним в разведку ходил, с ним оборону держал в окружении, вместе и прорывались... А значит, брат он сыну моему, а мне – ближайший родственник. Оба они до сих пор и медалью «За освобождение Мариуполя» не награждены...

В эти дни я читал «Волоколамское шоссе» Александра Бека.

Есть в одной из глав романа разговор генерала Панфилова с комбатом, старшим лейтенантом Момыш-Улы, после выхода батальона из окружения 2 октября 1941 года.

Очень даже важный разговор по нынешним дням.

– Привет ему! – сказал Панфилов. – Не забудьте передать. Каждый солдат, товарищ Момыш-Улы, хочет теплого слова за честную службу.

Еще не прощаясь, он протянул мне руку и, задержав мою, опять пожал ее с теплотой, лаской, обими руками – по-казахски.

– Я попрошу вас: сейчас же, товарищ Момыш-Улы, представляйте отличившихся к награде. Пожалуйста, чтобы сегодня же списки и характеристики были у меня... Ну, идите... Кажется, я смогу позволить вашему батальону передохнуть до завтра. Счастливо вам!..

Вернувшись домой, я не стал больше откладывать с письмом-обращением по поводу награждения воинов 810-й отдельной гвардейской бригады морской пехоты медалями «За освобождение Мариуполя». Составил текст. Познакомил с содержанием бойцов, а также родственников погибших. Получил от них согласие и отправил письмо.

В письме-обращении от 26.07.2023 года были такие строки:

«Морские пехотинцы 810-й бригады с марта 2022 года и до последнего дня боёв участвовали в освобождении города Мариуполя от вооруженных формирований Украины.

Их профессионализм отражён в заслуженных наградах: Герой России, Георгиевский крест, орден Мужества, медали «За отвагу», Александра Суворова, Георгия Жукова.

Россия помнит подвиги своих сыновей: гвардии полковника, командира бригады А.Н. Шарова, гвардии майора Д.В. Вострикова, гвардии капитана Е.С. Григоренко, гвардии капитана А.Б. Конарбаева, гвардии старшего лейтенанта И.И. Байзегитова, гвардии старшего лейтенанта А.П. Лавриченко, гвардии старшего лейтенанта В.В. Веселкова, гвардии матроса В.А. Дорохина и многих их однополчан, в том числе пятидесяти морпехов, героически сражавшихся четверо суток в окружённом мариупольском «доме Павлова».

Не случайно ещё 1 июня 2022 года предлагалось присвоить 810-й бригаде морской пехоты наименование Мариупольская.

Морские пехотинцы 810-й бригады как участники героического штурма и освобождения города Мариуполя **достойны** получения медали «За освобождение Мариуполя» (Указ главы Донецкой Народной Республики № 155 от 26.04.2022 г. Положение о медали «За освобождение Мариуполя», пункт: 1.5 и пункт 5).

Просим Вас наградить медалью «За освобождение Мариуполя» действующих, раненых и погибших военнослужащих 810-й отдельной гвардейс-

кой ордена Жукова бригады морской пехоты Черноморского флота (г. Севастополь)».

Я не наивный человек, поэтому прекрасно понимаю, что вопрос этот не простой. Осознаю, сколько ступенек должно быть преодолено чиновниками Министерства обороны, чтобы заслуженные награды нашли своих героев. Но это нужно не мертвым – это нужно живым.

Опять я невольно вернулся к разговору про сослуживцев моего сына, гвардии матроса Ивана Лукина. Слава Богу, почти все живы и даже после ранений продолжают сражаться с врагом. Мы переписываемся, интересуясь жизнью друг друга.

Одна из самых свежих новостей – машина наша семейная, подаренная 810-й бригаде, после очередного необходимого от трудов праведных ремонта снова возвращается в строй. На фото её сразу и не узнать – зимой она была белая, теперь в летнем камуфляже, зелёно-коричневая – настоящий воин, от гражданки в ней и осталась одна только эмблема давно уже обанкротившегося в Таганроге автозавода. А хорошие машины завод выпускал. Очень бы они сейчасгодились на фронте.

Но пора завершать эту часть. О «Мариупольской эпопее» 810-й бригады морской пехоты расскажу подробнее в одной из последующих частей, она и завершит этот очерк. А пока я еду в Нижний Новгород на поезде. Надо могилкам родителей поклониться и на родину предков съездить, в село Неледино.

6 августа 2023

Продолжение следует □

Борис Иванович ЛУКИН –

поэт, критик, переводчик, издатель.

Родился в 1964 г. в городе Горьком (Нижний Новгород).

Выпускник Литературного института им. А.М. Горького.

Работал редактором в изданиях «Российский писатель» и «Литературная газета», главным редактором МХАТ им. Горького. Преподаёт в Институте театрального искусства им. П.М. Ершова.

Публиковался в российских и зарубежных периодических изданиях.

Книги стихов: «Понятие о прямом пути» (1995),

«Междуречье» (2007), «Долгота времени» (2008),

«Поединок» (2010), «LeLь» (2012), «Сад земной» (2019),

«Чернец» (2019), «Летосовращение» (2021).

Автор книг: «Жить-нам-поживать. Переводы из коми поэзии»,

«Олонхо на два голоса. Переводы из якутской поэзии».

Лауреат Большой литературной премии России и др.

Имеет государственные награды за литературные труды.

